

Глава 6

Цао Ан остро это заметил и уже собирался объясниться, но Чэнь Гун уже отвёл взгляд и как ни в чём не бывало попрощался с Цао Цао.

Странность мгновения назад показалась лишь иллюзией. Но в тот момент, когда гость выходил за дверь, он снова мельком взглянул в сторону клетки.

Два этих взгляда для Гу Чжи были словно камни под ногами — их трудно было не заметить.

Он пока не мог понять смысла этого взгляда, да и не хотел в этом разбираться.

В отличие от него, мысли двух других людей во дворе были куда сложнее.

Цао Ан, хоть и был озадачен, предпочёл промолчать, а Цао Цао шагнул вперёд, отпер цепи на клетке и, полушутя, спросил:

— Командир, вы знакомы с Гунтаем?

— Нет.

Хотя Гу Чжи не мог понять смысла двух взглядов Чэнь Гуна, он был уверен, что тот смотрел на него не как на знакомого.

В обрывочных воспоминаниях прежнего владельца тела тоже не было и следа человека из Дунцзюня.

На этот ответ Цао Цао, неизвестно, поверил ли, но на его лице играла загадочная улыбка.

— Я слышал, командир желает омыться. Я уже приказал приготовить горячую воду, — сказал он. — Только вот дом у нас скромный, а боковая комната тесная, так что придётся вам потерпеть неудобства.

«Забавно, — подумал Гу Чжи. — Эти отец и сын оба любят говорить о „неудобствах“»

Но в отличие от искренней скромности Цао Ана, слова его отца были чистой формальностью.

Гу Чжи ответил:

— Генерал слишком любезен. Я всего лишь заключённый, о каких неудобствах может идти

речь.

Говоря о любезности, он, однако, не остановил Цао Цао, который лично открывал для него клетку.

Это было похоже на магическую дуэль, где поверхностная вежливость хозяина дома сталкивалась с такой же показной покорностью пленника.

Генерал всё понимал, но не сердился.

Мгновение назад он разговаривал с Чэнь Гуном, а в следующую секунду уже «знал» о просьбе, которую Гу Чжи высказал Цао Ану в пути. Любой другой на его месте был бы удивлён и насторожен подобной осведомлённостью.

Но Гу Чжи, казалось, либо совсем не уловил сути его слов, либо... ему было всё равно?

Цао Цао всё больше убеждался, что этого человека трудно понять и вряд ли им сможет управлять обычный смертный.

Вместе с растущими подозрениями и настороженностью росло и желание укротить этого тигра.

подавив все мысли, он с улыбкой отошёл в сторону.

— Прошу.

Боковая комната для омовения была новостройкой, пристроенной к западу от переднего двора, вплотную к главному залу.

В тесном пространстве она находилась всего в десяти шагах от клетки.

Цао Ан, поймав взгляд отца, тоже отошёл в сторону и сделал приглашающий жест.

Мужчина, словно гость, снявший номер в гостинице, непринуждённо вышел из клетки и, чувствуя липкость на всём теле, направился к постройке.

За пять-шесть шагов до неё он внезапно остановился.

Цао Цао и его сын посмотрели на него, но не успели ничего сказать, как из-за серой стены выскочили три обезьяны.

Цао Ан вздрогнул и бросился вперёд.

Присмотревшись, он понял, что это были не обезьяны, а трое детей, перепачканных грязью.

— Ты кто такой? — спросил самый высокий, лет пяти-шести, мальчик. Он держал в руке сухой стебель сорго, размахивая им, как хлыстом, и смотрел на Гу Чжи с воинственным видом. — Пришёл в наш дом, а дань уважения главарю отдал?

Услышав слова «дань уважения главарю», Цао Ан замер.

Он с трудом прикрыл глаза ладонью и искоса посмотрел на стоявшего рядом отца.

Увидев на лице Цао Цао улыбку, которая не предвещала ничего хорошего, юноша понял — мальчикам конец.

А Ни был его младшим братом. Вернее, все трое этих грязных сорванцов были его младшими братьями.

Перед отъездом родителя дети притворялись на редкость послушными. В первый же день его отсутствия они показали своё истинное лицо и начали переворачивать дом вверх дном.

Сейчас, вернувшись с утренних шалостей, они не знали, что отец уже дома. И в такой ситуации они не только предстали перед ним в грязи с ног до головы, но и произнесли слова про «дань уважения главарю»... Сегодня вечером им точно не избежать «супа из бамбуковых палок».

Цао Ан мысленно перебирал все веники в доме, пытаясь вспомнить, какой бьёт не так больно, но безуспешно. В это время Гу Чжи, загоразивавший от детей вид, уже заговорил.

— Вас трое, какому «главарю» мне отдавать дань уважения?

Самый высокий мальчик задрал голову и указал на себя концом стебля.

— Я здесь главный, так что, естественно, мне.

Двое трёхлетних малышей позади, посасывая пальцы, поддакнули:

— Да, А Ни!

— Го-го!

Их невнятное бормотание сопровождалось стекающей с пальцев слюной.

Мальчик по имени А Ни, не моргнув глазом, вытащил из-за пазухи кусок грубой ткани, ловко вытер слюны у обоих братьев и, не опуская головы, устался на Гу Чжи.

— ...Ты слишком высокий, можешь присесть?

Гу Чжи послушно согласился.

Он согнул правое колено и только начал приседать, как детская нога метнулась к его подколенной ямке.

Похоже, сорванец хотел, чтобы он потерял равновесие и упал, прежде чем успеет удержаться.

Неожиданный удар пришёлся точно в цель, но Гу Чжи присел так устойчиво, что даже не шелохнулся.

А вот А Ни изменился в лице и, скривившись, медленно отдёргнул дёргающуюся ногу.

«Как у кого-то может быть подколенная ямка твёрдой, как железная плита?»

Гу Чжи, словно не заметив пинка, терпеливо спросил:

— Так хорошо?

Уголок рта зачинщика дёрнулся.

— Хорошо.

Двое малышей, грызущих пальцы, молча отступили на полшага.

А Ни не заметил манёвра братьев. Из-за высокой фигуры Гу Чжи он также не видел стоявших неподалёку старшего брата и отца.

После короткой паузы он тихонько переставил дёргающуюся ногу за другую.

— Ты... как тебя зовут и откуда ты?

Гу Чжи, делая вид, что не замечает его маленьких хитростей, честно ответил:

— Моя фамилия Гу, имя Чжи, второго имени пока нет.

Когда боль в ноге утихла, А Ни, прищурившись, протянул ему сухой стебель.

— Раз уж ты искренне отдал дань уважения, значит, ты теперь один из нас. Вот тебе воинская бирка, держи.

Увядший, сломанный стебель покачивался, и с него упало несколько сухих крошек.

Гу Чжи, не задавая вопросов, протянул руку, чтобы взять его.

В этот момент другая нога метнулась к нему, ударив по внешней стороне колена.

Тот по-прежнему не шелохнулся. Владелец ноги, словно не веря своим глазам, ударил ещё дважды.

— Что делает главарь? — наконец спросил Гу Чжи.

Мальчик цыкнул и с досадой отдёрнул онемевшую ногу.

— Ничего, просто проверяю твою силу. Хоть ты и медлительный, но тело у тебя крепкое, можешь вступить в наш отряд...

Не успел он договорить, как стоявший перед ним мужчина вдруг качнулся и медленно завалился набок.

А Ни:

— ???

Гу Чжи «слабо» упал на землю, разыграв на месте целое представление.

— Генерал Цао, ваш благородный сын нанёс мне внутренние повреждения.

Услышав слова «генерал Цао», вопросительные знаки в глазах А Ни мгновенно превратились в три кроваво-красных восклицательных.

Он отступил на два шага в сторону, поднял голову и увидел стоявшего под карнизом отца с лицом чернее тучи.

Рядом Цао Ан отвернулся, игнорируя его умоляющий взгляд.

Мальчик тут же сник и еле слышно пробормотал:

— Отец.

Двое братьев позади него немедленно вытащили руки изо рта и выпрямились.

Только что наблюдавший за безобразными выходками своих детей, которым они научились неизвестно где, Цао Цао был одновременно и зол, и заинтригован.

Но Гу Чжи прямо обратился к нему, и генерал больше не мог оставаться в стороне.

Что же до наглой лжи о «внутренних повреждениях», он сделал вид, что не слышал.

— Командир Гу, сегодня я был нестрог с сыном, прошу прощения за его дерзость. Вода остывает, прошу вас пройти к омовению. А я пока накажу своего отпрыска и после приду извиниться.

Это означало: «Уходи скорее, хватит дразнить детей, дай мне их наказать».

Гу Чжи прекрасно понял намёк, мгновенно вскочил на ноги, и тут же спина перестала болеть, а ноги — ломить.

Сорванец, поверивший в его актёрскую игру и решивший, что тот действительно ранен, от удивления выпучил глаза.

Но под суровым взглядом Цао Цао он промолчал, лишь проводил взглядом мужчину, который как ни в чём не бывало вошёл в боковую комнату.

Гу Чжи больше не обращал внимания на суматоху во дворе.

Он снял грязную одежду, залез в тесную деревянную бочку и присел, позволив тёплой воде покрыть его до груди.

Грязь и пыль растворились в горячей воде, и липкость почти исчезла.

Сквозь пар Гу Чжи огляделся. Мыла или чего-то подобного не было, лишь в углу на перевёрнутом деревянном ведре лежала горсть серо-чёрного порошка.

Он взял немного, растёр в пальцах, понюхал.

Древесная зола.

Гу Чжи вздохнул.

Он добавил немного золы в воду.

Шум воды был монотонным и скучным.

Мокрые пальцы коснулись шеи и на мгновение замерли.

Он нахмурился и посмотрел на своё отражение в воде.

На шее, сбоку, у воротника, под жёлтым шнурком, на котором висела нефритовая подвеска Тяньлу, была рана от ножа.

Рана была длинной, почти на всю правую сторону шеи. Она уже покрылась корочкой, но заживала плохо и всё ещё слегка кровоточила.

«Когда он её получил?»

Гу Чжи медленно опустил руку.

Воспоминания прежнего владельца тела были слишком скудными и обрывочными, и об этой ране в них не было ни слова.

Но судя по её состоянию, она появилась... примерно в тот момент, когда он только совершил переход.

Его задумчивый взгляд стал глубже.

Возможно, прежний владелец тела умер именно от этой раны, что и привело к его перемещению в этот мир.

Просто из-за своей низкой чувствительности к боли он заметил её только сейчас.

Желание мыться пропало. Он вышел из бочки.

Нефритовая подвеска размером с большой палец качнулась в воздухе и скрылась под нижней рубахой.

Кое-как приняв тёплую ванну, Гу Чжи переоделся в одежду, приготовленную семьёй Цао.

Ткань была не самой лучшей, но такой же, как у остальных — из тонкого льна, простая и удобная.

Гу Чжи вышел из боковой комнаты. Во дворе почти никого не было.

Двое охранников стояли у главных ворот. Цао Ан, стоявший под карнизом главного зала, увидел его и поспешил навстречу.

— Для господина уже приготовили жилище.

Цао Ан проводил его в главную комнату в восточной части переднего двора.

Комната была небольшой, но в ней была вся необходимая мебель. Очевидно, это была гостевая комната, оставшаяся после перестройки двора.

— Господин, посмотрите, не не хватает ли чего?

В комнате, кроме кровати и ширмы, были даже кисть и тушь. В углу стоял сундук с одеждой и умывальные принадлежности, столик и циновка. Видно было, что хозяева подготовились основательно.

Обычно такие слова были формальностью, и Гу Чжи не должен был ничего просить.

Но он попросил.

— Всё хорошо, только...

Гу Чжи подошёл к окну и деревянной палкой поднял створку.

Он показал Цао Ану на пустой оконный проём.

— Молодой генерал, здесь кое-чего не хватает.

Юноша напрягся и подошёл к окну.

Он внимательно осмотрел его изнутри и снаружи.

Его серьёзное выражение сменилось недоумением.

— Чего же не хватает?

— Решёток, — совершенно серьёзно сказал Гу Чжи. — Как заключённый, я должен жить в тюрьме. Даже если это роскошная тюрьма, в ней должны быть решётки.

Цао Ан:

— ...

Среди хаоса мыслей он нашёл свой голос и растерянно переспросил:

— ...Решёток?

Ему показалось, что он ослышался.

— Да, решёток, — спокойно повторил Гу Чжи. — Не хватает решёток.

<http://bllate.org/book/15998/1441743>